

Глава VI. Великое отступление махновцев и их победа

Казнь Григорьева. — Бой под Перегоновкой. — Разгром деникинцев. — Эра свобод

Нами было указано, что Махно, уйдя с поста командующего повстанческой армией, удалился с небольшим кавалерийским отрядом. Он ушел в сторону г. Александровска. Здесь, несмотря на то, что большевики охотились за ним на фронте в районе ст. Гяйчур, он успел официально сдать должность и дела повстанческой дивизии новому командиру бригады, только что прибывшему от большевиков. Передачу дел Махно совершил для того, чтобы прямо, открыто и спокойно уйти с поста командира и чтобы большевики не имели никакого основания обвинить его в чем бы то ни было, касавшемся дел дивизии. Во всем этом было много тонкой игры, которую Махно вынужден был вести и из которой вышел с честью.

Тем временем наступление Деникина принесло новые беды широкому трудовому населению. Масса беглецов из крестьян, спасаясь, потянулась к Махно как к народному руководителю. К нему же устремились многочисленные повстанцы, разбросанные по району. В неделю-другую вокруг Махно сформировался совершенно новый революционно-повстанческий отряд. С этим отрядом и с некоторыми частями основной повстанческой армии, прибывшими под Александровск, Махно стал сдерживать деникинцев, медленно отступая, стараясь уяснить создающиеся условия и сориентироваться.

Деникинцы, быстро распространяясь по Украине, все время не упускали Махно из вида, помня, каких громадных усилий и жертв он стоил им в течение прошедшей зимы. Против него они выставили особый корпус войск, состоявший от 12 до 15 полков кавалерии и пехоты. Но это была война не только с армией Махно. Почти все села махновского района, занятые деникинцами, подвергались разгрому и опустошению: крестьян грабили, насиловали, убивали. Офицерство мстило им за революцию.

В первый же день по занятии деникинцами Гуляй-Поля было расстреляно множество крестьян, население разгромлено; сотни бричек и телег с награбленным добром казаки Шкуро отправили на Дон и Кубань. Почти все еврейские женщины села были изнасилованы.

Поэтому за отступавшей армией Махно из разных сел двинулись тысячи крестьянских семейств со своим имуществом и скотом. Образовался громадный обоз, растянувшийся на сотни верст. Это было поистине великое передвижение народа, обширное «царство на колесах», двигавшееся вслед за армией на запад. По пути отступления эта огромная,

сковывающая войско масса беженцев постепенно таяла, оседая по разным местам Украины. Большинство из этих беженцев лишилось навсегда своего крова и имущества, а многие и жизни.

Первоначально Махно закрепился на Днепре, под городом Александровском, и некоторое время удерживал за собой Кичкасский мост[15]*. Затем, ввиду превосходящих неприятельских сил, отступил на Долинскую, а оттуда под г. Елисаветград. К этому времени советские войска утратили самостоятельное значение на Украине. Часть их была уведена в Великороссию, а оставшиеся начали колебаться, проникаясь недоверием к своему командному составу.

Для Махно подошел удобный момент перевести их в свои ряды. Но внимание его в это время было сосредоточено на другом. Уже давно на фоне украинской революционной действительности двигалось темное пятно, с которого Махно все время не спускал глаз. Это — григорьевщина.

Хотя она после первых дней своего выступления против советской власти и пошла быстро на убыль, однако окончательно не разложилась. Григорьев закрепился несколькими отрядами в Херсонской губернии и повел партизанскую войну с большевиками. Общая численность отрядов, рассеянных по губернии и находившихся под его влиянием, достигала нескольких тысяч человек. Отряды эти часто делали налеты на небольшие красноармейские части, разоружали их, занимали местечки, разрушали железные дороги. Последняя мера практиковалась ими больше всего. Способ порчи железных дорог у Григорьева был следующий: из шпал на протяжении двух-трех рельсов вынимались все костыли; в одном месте, на стыке, рельсы разъединялись между собою; к свободному концу рельсы припрягалось несколько пар здоровых волов, которые и загибали в полукруг все освободившиеся от шпал рельсы.

Григорьев оказался довольно искусным руководителем партизанского метода войны. В районе Знаменки, Александрии и Елисаветграда господствовал скорее он, нежели большевики. Однако борьбу с советской властью Григорьев вел не по революционным мотивам, а по личным и, по сути, — контрреволюционным. Не имея какой бы то ни было устойчивой идеологии, он хватался за то, что было ближе: сначала за петлюровщину, потом — за большевизм, затем вновь за петлюровщину, а под конец — за деникинщину.

Григорьев был несомненно контрреволюционер и авантюрист, но район и масса, им руководимые, были революционны. Их-то и решил Махно включить в общее число революционных сил. Сделать это можно было, лишь насильственно удалив Григорьева и его штаб. Махно с присущей ему резкостью и прямою решил публично разоблачить и убить Григорьева. Государственники-большевики, воевавшие с Григорьевым в течение нескольких месяцев, ничего лучшего не нашли, как обещать полмиллиона рублей тому, кто убьет Григорьева, и половину этой суммы — за голову каждого из его помощников (объявление советвласти, напечатанное в июле 1919 г. в ряде украинских газет). Крестьянин-революционер Махно, в силу революционной необходимости, решил публично разоблачить Григорьева. Чтобы найти к нему свободный доступ, Махно вступил с ним и его отрядами в связь, якобы для объединения всех партизанских сил.

27 июля 1919 г. в селе Сентове, близ Александрии, Херсонской губернии, по инициативе Махно был созван съезд повстанцев Ека-теринославщины, Херсонщины и Таврии. Согласно своей программе, съезд должен был наметить задачи всему повстанчеству Украины в связи с моментом. Съехалась масса крестьян и повстанцев, отряды Григорьева и части Махно — всего до 20 тысяч человек. Докладчиками были записаны Григорьев, Махно и ряд других сторонников того и другого движения. Первым выступил Григорьев. Он призывал крестьян и повстанцев отдать все силы на изгнание большевиков из страны, не пренебрегая в этом деле никакими союзниками. Григорьев был не прочь ради этого соединиться с Деникиным. После, мол, когда иго большевизма будет низвергнуто, народ сам увидит, как ему устроиться. Заявление это оказалось роковым для Григорьева. Выступившие немедленно после него махновец Чубенко и Махно указали на то, что борьба с большевиками может быть революционной только в том случае, если она ведется во имя социальной революции. Союз с злейшими врагами народа — с генералами — будет преступной авантюрой и контрреволюцией. К этой контрреволюции зовет Григорьев, следовательно — он враг народа. Затем Махно публично, перед всем съездом, потребовал Григорьева к немедленному ответу за чудовищный погром, совершенный им в мае 1919 г. в г. Елисаветграде, и за ряд других антисемитских действий. — «Такие негодяи, как Григорьев, позорят всех повстанцев Украины, и им не должно быть места в рядах честных тружеников-революционеров», — так закончил Махно свое обвинение Григорьеву. Последний увидел, что дело принимает для него опасный оборот. Он схватился за оружие. Но было уже поздно. Семен Каретник — ближайший помощник Махно — несколькими выстрелами из «кольта» сбил его с ног, а подбежавший Махно с возгласом — «Смерть атаману!» тут же дострелил его. Приближенные и члены штаба Григорьева бросились было к последнему на помощь, но на месте были расстреляны группой махновцев, заранее поставленной на страже. Все это произошло в течение двух-трех минут на глазах съезда.

Первое время съезд был несколько взволнован совершенными актами, но затем, после следующего доклада Махно, Чубенко и других представителей махновщины, съезд одобрил акты, назвав их исторически необходимыми. По протокольному постановлению съезда, ответственность за совершенное и за его последствия махновщина взяла на себя. Все же партизанские отряды, бывшие под руководством Григорьева, согласно резолюции съезда, влились в общую армию повстанцев-махновцев[16]*.

Мы уже указали, что те немногие советские войска, которые задержались в разных местах Украины, были охвачены духом недоверия к своему командному составу. На позорное бегство советской власти из Украины они смотрели как на измену революции. Махно являлся единственным средоточием революционных надежд страны. К нему обращались взоры тех, кто хотел биться за свободу. Заразились этим духом и оставшиеся на Украине красноармейские части. В конце июля крымские части большевиков сделали военный переворот и пошли на присоединение к Махно. Переворот был организован бывшими в рядах красной армии махновскими командирами — Калашниковым, Дерменджи и Будановым. От Нового Буга и до Помощней двигались огромные части красных войск, разыскивавших Махно и везших к нему пленниками своих недавних командиров — Кочергина, Дыбеца и других. Соединение произошло за ст. Помощная, в местечке Добровеличковке, Херсонской губ., в начале августа 1919 г. Для большевиков этот

переворот явился жестоким ударом, сведшим на нет остатки их военной силы на Украине.

Район Помощней, Елисаветграда и Вознесенска (под Одессой) был первым опорным пунктом, где Махно остановился и стал приводить в порядок стекавшиеся к нему с разных сторон боевые части. Здесь были сформированы четыре бригады пехотных и кавалерийских войск, отдельный артиллерийский дивизион и пулеметный полк — всего около 15 000 бойцов. Отдельная конная сотня в 150-200 сабель, находившаяся всегда с Махно, не входила в это число войск. Этими силами махновцы перешли затем в наступление на деникинцев. Столкновение приняло ожесточеннейший характер. Несколько раз деникинцев отбрасывали на 50-80 верст обратно к востоку. В боях они отдали махновцам три или четыре бронепоезда, среди которых был огромный — «Непобедимый». Но подкрепленные свежими силами, они вновь оттесняли махновцев к западу. На их стороне был значительный численный перевес и превосходство в вооружении. Между тем, в армии махновцев почти не было патронов. Из трех наступлений на деникинцев два приходилось делать с исключительной целью отбить у них патроны. Кроме того, махновцам приходилось действовать и против большевистской группы, отступавшей из Одессы на север. Поэтому район Елисаветград — Помощная — Вознесенск пришлось бросить и отступать дальше.

Отступление шло с непрерывными боями. Группа деникинцев, преследовавшая Махно, отличалась крайним упорством и настойчивостью. Особенно мужественны были офицерские полки — Первый Симферопольский и 2-й Лабинский. Участвуя в боях против этих полков, Махно восхищался их стойкостью и пренебрежением к смерти. По свидетельству Махно, конница у деникинцев заслуживала высшей похвалы. Многочисленная же конница красной армии, созданная впоследствии, была конницей скорее по названию. Никогда не была она способна на сабельный бой, а действовала лишь тогда, когда неприятель уже был сбит орудийным и пулеметным огнем. За все время гражданской войны красная конница ни разу не приняла сабельного удара махновской кавалерии, хотя численно всегда превосходила последнюю. Совсем иное — казачьи и кавказские кавалерийские полки Деникина. Они всегда принимали сабельный удар и всегда шли полным карьером на неприятеля, не дожидаясь, когда огонь орудий и пулеметов дезорганизует его.

Тем не менее, и эта конница потерпела не одно поражение в ожесточенных боях с махновцами. Руководители деникинских полков в своих дневниках, попадавших после боев к махновцам, неоднократно отмечали, что война с махновской кавалерией и артиллерией есть наиболее тяжелое и страшное дело во всем их походе.

С середины августа 1919 г. группа эта начала сильно теснить Махно, стремясь все время охватить его с нескольких сторон. Махно видел, что малейший промах с его стороны может оказаться губительным для всей армии. Поэтому он тщательно высматривал момент, когда бы можно было пойти на решительное сражение с врагом. В северном направлении деникинцы были уже под Курском. Махно учитывал это обстоятельство, находя, что, чем дальше на север продвинется деникинский фронт, тем вернее будет их разгром в тылу. Но пока Махно приходилось отступать на запад под напором превосходящих военных сил противника. Во второй половине августа к группе деникинцев, теснившей Махно с востока, прибавилась вторая группа, шедшая со стороны Одессы и Вознесенска. Положение ухудшилось. Тогда повстанческая армия бросила железнодорожный район, взорвав предварительно все быв-

шие у нее бронепоезда. Отступление пошло проселочными дорогами из села в село. Деникинцы не отставали ни на шаг. Их цель была — не только разбить, но совсем ликвидировать армию Махно.

Это отступление, сопровождаемое ежедневными боями, продолжалось свыше месяца, пока армия махновцев не подошла к городу Умани, занятому войсками петлюровцев. Последние находились в состоянии войны с деникинцами. И здесь сам собою возник вопрос — как быть с петлюровцами? Воевать ли с ними или же в отношении их отыскать иную тактику? В это время армия махновцев имела около 8000 раненых бойцов, лишенных самой необходимой медицинской помощи. Они составляли огромный обоз, прикрепленный к армии и тормозивший ее передвижение и боевые операции. После всестороннего обсуждения вопроса решено было предложить петлюровцам военный нейтралитет. Тем временем из Умани в лагерь махновцев прибыла петлюровская делегация, изложившая взгляд петлюровского командования на создавшееся положение. Взгляд этот сводился к тому, что петлюровцы, находясь в войне с Деникиным, не желали иметь нового фронта и хотели бы избежать военных столкновений с махновцами. Это совпадало с планами махновцев. Делегация последних, выехавшая в Жмеринку, выработала окончательное соглашение, по которому обе стороны обязались сохранить в отношении друг друга строгий военный нейтралитет, не считаясь с политическим направлением каждой стороны. Петлюровцы, кроме того, взялись принять и разместить по больницам всех раненых махновцев.

Конечно, и Махно, и все остальные в армии видели, что нейтралитет этот фикция; что не сегодня-завтра можно ожидать союза петлюровцев с деникинцами и их совместного нападения на махновцев. Но для последних важно было выиграть одну или две недели времени, чтобы предотвратить удар с противоположной — западной — стороны и не оказаться в военном мешке. Фактически же отношение махновцев к петлюровцам оставалось несколько не измененным против прежнего. Относясь по-товарищески к петлюровской рядовой массе, они против верхов петлюровщины вели прежнюю революционную агитацию, и как раз в это время реввоенсовет армии махновцев выпустил листовку — «Кто такой Петлюра?», — в которой разоблачал последнего как защитника имущих классов, достойного гибели от рук трудящихся. Многие из петлюровских «сечевиков» по духу и по традиции принадлежали к махновцам, и не будь последние в то время так сильно теснимы деникинскими полками, махновцы несомненно сагитировали бы значительную часть их перейти в свои ряды. Махновцы думали об этом, а петлюровское командование подозревало это и, наученное опытом с Григорьевым, держалось очень осторожно с махновцами.

Подозрения махновцев относительно того, что петлюровцы войдут в сговор с деникинцами для совместных действий против Махно, начали подтверждаться. По соглашению с петлюровцами, армия махновцев могла занимать территорию в 10 кв. верст в районе села Текуче, близ Умани. С севера и запада находились петлюровцы; с востока и юга (со стороны Голты) были деникинцы. Это условие соглашения, предъявленное петлюровцами, сразу же показалось подозрительным. А через несколько дней были получены сведения о том, что они ведут переговоры с деникинским командованием об условиях окружения и разгрома Махно совместными силами. В то же время — 24-25 сентября — в тылу у махновцев, с западной стороны, оказалось около 4-5 деникинских полков. Они

могли попасть туда, лишь пройдя местность, занятую петлюровцами, т.е. при их прямом содействии или попустительстве.

25 сентября вечером махновцы оказались окруженными деникинскими полками со всех сторон, причем наиболее сильные их части стояли с восточной стороны. Умань была также занята ими. Тогда настал момент быстрых действий. Решалась судьба всей армии повстанцев-махновцев.

Отступление махновцев, растянувшееся на 600 с лишним верст, продолжалось в общей сложности около четырех месяцев. Оно сопровождалось крайними трудностями. Повстанцы были разуты, раздеты. В страшный зной, в облаках пыли, осыпаемые непрерывным дождем пуль и снарядов, удалялись они от своего района в неизвестную даль. Но все были одухотворены идеей победы над врагом и терпеливо сносили тяготы отступления. Иногда среди наименее терпеливых раздавались возгласы: «Назад! К Днепру!» Но неумолимая необходимость гнала их все дальше от Днепра и от родного им, гордого района. И вновь все с величайшим терпением, с напряженной волей, осыпаемые боевым огнем, шли за своим вождем. Концом отступления явилась Умань. Дальше идти некуда. Враг со всех сторон. И вот здесь Махно с присущей ему простотою, которая, однако, имела свойство подымать героизм в его товарищах, заявил, что все предыдущее отступление было лишь необходимым стратегическим шагом и что настоящая война начнется с завтрашнего дня, 26 сентября.

Было учтено положение деникинских войск в северном направлении и на других фронтах. И Махно проникся уверенностью, что судьба дает ему возможность нанести смертельный удар всей де-никинской контрреволюции.

С 25 на 26 сентября махновские части, державшие все время курс на запад, вдруг повернули все свои силы на восток и пошли в лоб главным силам деникинской группы. 25 сентября, вечером, под селом Крутенькое произошло сражение первой бригады махновской армии с частями деникинцев. Последние отступили, стремясь прочнее расположиться и завлечь противника, но махновцы их не преследовали. Этим была обманута бдительность деникинцев, убедившихся, что направление повстанческой армии — прежнее, т.е. на запад. Между тем глубокой ночью все части махновцев, стоявшие в нескольких селах, снялись и двинулись на восток — на врага, расположившегося главными силами под селом Перегоновкой, занятым махновцами.

Между тремя и четырьмя часами утра завязалось сражение. Оно шло непрерывно, развиваясь и усиливаясь. К восьми часам утра оно достигло высочайшего напряжения. Пулеметная стрельба превратилась в сплошной рев бури. Сам Махно со своей сотней исчез еще с ночи, пойдя в обход противнику, и в течение всего сражения о нем не было никаких известий. К 9 часам утра махновцы начали отступать. Бой шел уже на окраине села. Деникинцы с разных мест подтянули остальные свои силы и окатывали махновцев непрерывными огневыми волнами. Члены штаба повстанческой армии пошли в цепь. Настал критический момент, когда, казалось, сражение проиграно, а значит, все кончено. В центре села раздалась тревожная команда, чтобы все, в том числе и женщины, взяли винтовки и были готовы к бою на улице. Все приготовились к последним минутам борьбы и

жизни. Но вот пулеметный рев и раскаты «ура» начали постепенно удаляться, становясь все тише и тише, и, наконец, находившиеся в селе поняли, что противник отброшен, и бой идет на значительном расстоянии. Исход боя решил внезапно появившийся Махно. Уже в тот момент, когда махновцы волной стали отступать и бой шел на окраине села, Махно, измученный и запыленный, выехал с боковой стороны неприятеля, из-за крутой балки. Молча, без призывов, устремился он со своей сотней полным карьером на неприятеля и врезался в его ряды. Словно рукой сняло усталость и упадок духа у отступавших. — «Батько впереди!... Батько рубится!...» — пронеслось по всей массе. И все с удесытеренной энергией вновь рванулись вперед за любимым вождем, который, казалось, обрек себя на смерть. Пошел ожесточеннейший рукопашный бой, «рубка», как выражаются махновцы. Как ни был стоек 1-й офицерский Симферопольский полк, но он был сбит и начал поспешно отступать — первые минут десять в порядке, стремясь рассыпаться в цепь и задержать победителя, а затем просто пустился бежать. За этим полком бросились другие полки, и, наконец, все деникинские части обратились в бегство к реке Синюхе, стремясь переправиться через нее и закрепиться на другом берегу.

Махно великолепно учел момент и спешил максимально использовать его. Пустив полным карьером по следам отступающих всю кавалерию и артиллерию, он сам, с наиболее быстрым кавалерийским полком, взял несколько правее и понесся наперерез отступающим. Преследование длилось верст 12-15. В самый важный момент, когда деникинцы добрались до реки, их настигла махнов-ская кавалерия. Несколько сот их погибло в реке. Большая же часть успела переправиться, но была перехвачена Махно. Стоявший по ту сторону реки штаб деникинцев и запасный полк тоже были, к их неожиданности, захвачены. Из всех частей, упорно преследовавших махновцев в течение последних полутора месяцев, удалось спастись немногим. Первый офицерский Симферопольский полк и другие полки были вырублены полностью. Дорога на расстоянии двух-трех верст пестрела трупами павших. Каким бы тяжелым ни казалось это зрелище некоторым, оно, однако, явилось только неотвратимым следствием единоборства деникинской армии с махновцами. Будь малейший промах со стороны Махно — та же участь постигла бы революционную повстанческую армию; при этом не было бы пощады женщинам, вынужденным пойти в армию за своими мужьями. Махновцы имели достаточно материала для таких выводов.

Среди крестьян Великороссии живет следующее предание о Пугачеве. Попав после своего бунта в руки властей, Пугачев заявил собравшимся около него барам: «Я своим бунтом вас только попугал- Но вот подождите, незадолго после меня придет метла, — она вас всех заметет по-настоящему». Этой народной исторической метлой оказался Махно в течение всей своей революционно-повстанческой деятельности и, в частности, в период разгрома деникинщины.

Сбив главный кулак деникинцев, он, не медля ни минуты, пустил свои части по трем направлениям. Словно исполинское помело, шел он по селам, местечкам, городам и выметал всякий дух эксплуатации и рабства. Помещики, кулаки, урядники, священники, старшины, припрятавшиеся офицеры — все падали жертвами на пути движения махновцев. Тюрьмы, полицейские и комиссарские участки — символы народного рабства — разрушались. Всякий, кто избличался, как обидчик крестьян и рабочих, погибал. Больше всего в этот период

погибло помещиков и крупных кулаков. Это, между прочим, может показать, чего стоят вздорные и заведомо ложные толки большевиков о якобы кулацком характере махновщины. В действительности — там, где нарождалась махновщина, кулачество всегда искало и находило себе защиту под крылом советской власти.

Движение армии назад к Днепру шло со сказочной быстротой. На другой день после разгрома деникинцев под Перегоновкой Махно находился за сто с лишним верст от места боя. Он двигался со своей сотней верст на сорок впереди остальных частей. Еще день — и махновцы заняли Долинскую, Кривой Рог и подошли к Никополю. А еще через день на рысях был захвачен Кичкасский мост через Днепр и занят город Александровск. Как будто в замороженное, сонное царство влетели махновцы: никто еще не знал о их прорыве под Уманью, не имел представления о том, где они; власти не принимали никаких мер, пребывая в обычной тыловой спячке. Поэтому всюду махновцы являлись врагам, как весенний гром, неожиданно. За Александровском последовали Пологи, Гуляй-Поле, Бердянск, Мелитополь, Мариуполь. В неделю-полторы весь юг Украины был очищен от войск и властей Деникина.

Освобождение махновцами юга Украины, главным образом приазовского района, поставило под угрозу смертельной опасности всю противореволюционную кампанию Деникина. Дело в том, что в районе Мариуполь — Волноваха находилась основная база снабжения деникинской армии. При взятии Бердянска и Мариуполя там оказалось не поддающееся учету количество снарядов. В Волновахе находились целые ярусы снарядов. И хотя последняя еще не была взята махновцами (за нее шел в течение пяти дней бой), *ако она уже не могла обслуживать армии Деникина, так как железнодорожная магистраль всего района находилась в руках махновцев. Тыловые части Деникина, обслуживавшие этот район, были уничтожены. Таким образом, вся эта гигантская артиллерийская база попала в круг махновцев, и, начиная с этого времени, она уже не могла послать ни одного снаряда ни на северный, ни на какой-либо другой фронт.

Деникинцы наспех выслали против Махно части, стоявшие в резерве под Таганрогом; но и эти части были разбиты, и волны махновщины стали устремляться в глубь донецкого бассейна и на север. В 20-х числах октября махновцы заняли Екатеринослав и ряд других прилегающих к нему мест. Тогда деникинцы признали действительность такую, какой она была. Они заявили, что центр борьбы с севера перенесся на юг; что на юге будет решена судьба их дела. Генерал Май-Маевский в обращении к казачеству говорил: «Настал момент непосредственной опасности нашим землям. Враг бушует на юге, угрожая нашему жилью. Необходимо спешить туда для защиты своих земель» (речь Май-Маевского, напечатанная в одной из деникинских газет).

В связи с таким положением дел деникинцы сняли с северного фронта свои лучшие кавалерийские части — Мамонтова и Шкуро — и пустили их в гуляй-польский район. Но было уже поздно. Пожар охватил весь край, от берегов Черного и Азовского морей до Харькова и Полтавы. Благодаря свежим силам и множеству автоброневиков деникинцы как будто начали вытеснять махновские части из отдельных мест: Мариуполя, Бердянска, Гуляй-Поля. Но это означало только то, что Махно занимал Синельникове, Павлоград, Екатеринослав и ряд других мест. В течение октября и ноября борьба вновь приняла ожесточеннейший

характер, и в ней частям Деникина вновь было нанесено несколько огромных поражений. Больше всего досталось кавказским частям — чеченцам и другим. Их в эти месяцы погибло несколько тысяч. В конце ноября массы чеченцев категорически заявили, что они не желают больше воевать с Махно, самовольно бросили посты и армию Деникина и поехали к себе на Кавказ. Так начался общий распад деникинской армии.

В борьбе с махновщиной на юге России деникинцы потерпели полное поражение, и этим был предreshен исход всего их похода на русскую революцию.

Мы, в соответствии с исторической истиной, должны сказать здесь, что честь победы над деникинской контрреволюцией осенью 1919 г. принадлежит, главным образом, махновцам. Не будь уманского прорыва и последовавшего за ним разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре 1919 г. Бой красных с деникинцами под Орлом имел малое значение. В своей основе отступление войск Деникина на юг началось уже раньше — именно в связи с разгромом тыла. Все последующие военные операции их имели целью провести, по возможности, безболезненное отступление и вывезти имущество. На протяжении всего пути от Орла и Курска до берегов морей Черного и Азовского красные войска шли беспрепятственно. Их въезд на Украину и Кавказ произошел, как и после падения гетмана, по очищенным уже путям.

Военная сторона дела поглощала в это время почти все силы махновцев. Боевая обстановка района крайне не благоприятствовала созидательной работе внутри. Однако и в этой области махновцы проявляли необходимую инициативу и старание. Прежде всего они всюду спешили предупредить важное недоразумение — возможность принятия их за новую власть или партию. Войдя в тот или иной город, они всякий раз заявляли, что не представляют собою никакой власти, что их военная сила никого ни к чему не обязывает, а лишь охраняет свободу трудящихся. Свобода крестьян и рабочих находится у них самих и потому не может быть ограничена. Во всех областях своей жизни они должны сами устраиваться, как найдут нужным. Махновцы же могут помогать им лишь советом, отдельными культурными работниками или военной силой, но никоим образом не предписывать им что бы то ни было[17]*.

Александровск и прилегающий к нему район были первым местом, где махновцы закрепились на продолжительное время. Там они прежде всего обратились к широким рабочим массам, позвав их на общее рабочее совещание города. Совещание состоялось. На нем было представлено положение всего района в военном отношении и предложено было приступить к налаживанию жизни в городе, на фабриках и заводах силами самих рабочих и их организаций на принципах труда и равенства. Рабочие горячо приветствовали это предложение; однако с делом медлили, смущенные, во-первых, его новизною, а во-вторых, — и это главное — близостью фронта, который невольно внушал им мысль о неопределенном, неустойчивом положении города. За первым совещанием последовало второе. Вопрос об организации жизни на принципах рабочего самоуправления широко освещался и дебатировался массой, которая целиком держалась за основную идею трудового самоуправления, но не находила пока первых конкретных форм его.

Железнодорожники сделали в этом направлении начин. Они создали железнодорожный комитет, взяли железные дороги района (местного) в свое ведение, разработали план движения поездов, перевозки пассажиров, систему оплаты и т.д. Мысль пролетариата г. Александровска отныне начала систематически направляться в область создания органов самоуправления.

Вскоре за рабочими совещаниями состоялся районный съезд крестьян и рабочих, собравшийся 20 октября 1919 года в г. Александровске. На съезде было свыше 200 делегатов, из которых 180 — крестьяне, остальные — рабочие. Съезд занимался вопросами — а) военным: борьба с деникинцами, пополнение и содержание повстанческой армии; и б) вопросом внутреннего строительства.

Съезд работал около недели при необыкновенном подъеме делегатов. Этому содействовала особая обстановка. Во-первых, само победоносное возвращение махновской армии в родной район являлось громадным событием для крестьян, из которых каждый почти имел в армии того или иного члена семьи. Главное же — это то, что съезд собрался в условиях абсолютной свободы. Он не испытывал над собой никакого давления извне. В довершение к этому съезд имел прекрасного работника-докладчика, анархиста Волина, который, к изумлению крестьян, оказался лучшим выразителем их дум и надежд. Идея вольных советов, работающих в согласии с желанием местных тружеников; связь крестьян с рабочими городов на почве взаимообмена продуктами их труда; идея равенственной безвластной организации их жизни, — все эти идеи, развитые в докладах Волина, были и живыми идеями крестьянства. В ином смысле оно и не представляло себе революцию и революционное строительство.

Первый день представители политических партий пытались внести в общую работу съезда дух раздора, но тут же были осуждены всем съездом, и работа последнего протекала при полном содружестве участников.

Последние дни съезд принял характер красивой поэмы. Деловые резолюции чередовались с энтузиазмом настроения. Все были одухотворены верой в свои силы, в мощь революции... Настоящая свобода, какую немногим приходилось чувствовать, реяла в зале съезда. Каждый видел перед собою и сознавал действительно великое дело, на которое стоит отдать силы и за которое не жаль умереть. Крестьяне, среди которых много было пожилых и стариков, говорили, что это — первый съезд, где они чувствуют себя не только свободными, но и братьями в отношении друг к другу и что они никогда не забудут его. Да и вряд ли кто из участников забудет его. У многих, если не у всех, съезд этот остался в памяти, как красивая греза жизни, когда великая свобода сблизила людей, дала им возможность жить одним сердцем, одной любовью.

Постановления съезда касались, во-первых, расширения и укрепления повстанческой армии. Последнюю, согласно резолюции съезда, решено было пополнить всем мужским населением до 48 лет включительно. При этом пополнение должно было идти в согласии с духом постановления съезда, т.е. добровольно, но по возможности широко и полно, как того требовало опасное положение района. Выше мы отмечали, какой смысл имело постановление 11-го районного съезда 12 февраля 1919 г. о добровольной мобилизации за

10 лет. Этот же смысл имело постановление о мобилизации и настоящего съезда. Содержание армии, по резолюции съезда, должно было основываться на добровольных взносах крестьян, на военных трофеях и на реквизициях у богатого сословия. В области внутреннего строительства съезд отметил общую идею — обходиться трудящимся у себя на местах без какой бы то ни было власти устраивать свою жизнь местными силами тружеников.

Разъезжаясь, крестьяне усиленно подчеркивали необходимость и важность выполнить постановления съезда. Резолюции последствия были взяты разъезжавшимися делегатами и распространены по селам и деревням. Несомненно, через три-четыре недели сказались бы на местах реальные результаты съезда, а следующий съезд крестьян и рабочих привлек бы к работе большие массы трудящихся. Но свободу последних вечно сторожит их злой враг — власть. Не успели делегаты съезда разъехаться по своим местам, как многие из этих мест были заняты деникинцами, в большом количестве переброшенными с северного фронта. Правда, захват этот был кратковременным, представлявшим собою последние судороги врага, но он в самый дорогой момент приостановил творческую работу крестьян на местах. А ввиду того, что с севера уже надвигалась другая власть — большевизм, также непримиримо относившийся к свободе масс, — этот захват принес громадный вред делу трудящихся: после первого районного съезда не только не удалось созвать следующие съезды, но не пришлось проводить в жизнь даже постановлений первого съезда.

В городе Екатеринославе, занятом повстанческой армией в дни работы съезда, условия для внутреннего хозяйственного строительства были еще менее благоприятными. Выгнанные из города деникинские войска успели закрепиться на противоположном — левом — берегу Днепра и в течение целого месяца, изо дня в день, бомбардировали город из нескольких бронепоездов. Всякий раз, когда по инициативе культурно-просветительного отдела армии устраивалось рабочее совещание города, деникинцы, прекрасно осведомленные об этом, открывали усиленный артиллерийский огонь и срывали совещание. Серьезная систематическая работа в городе в этой области была невозможна. Удалось лишь провести несколько митингов в центре города и по окраинам. Кроме того, махновцы прекрасно наладили выход ежедневной газеты «Путь к свободе», а некоторое время спустя — ее украинский вариант: ежедневную газету «Шлях до Воли»[18]*.

Во всем освобожденном районе махновцы были единственной организацией, располагавшей реальной силой, с помощью которой они могли диктовать противнику свою волю. Но никогда они не пользовались этой силой в целях политического господства или влияния, не применяли ее к чисто политическим противникам. Военный противник, заговорщики против рабочих и крестьян, аппарат государства, тюрьмы — вот на что они обращали силы своей армии.

Тюрьмы есть символ народного рабства. Они всегда строились только для народа, для рабочих и крестьян. На протяжении тысячелетий буржуазия всех стран всегда укрощала бунтующую подневольную массу плахой и тюрьмой. И в настоящее время, в коммунистическом и социалистическом государстве, тюрьмы пожирают, глазным образом, пролетариат города и деревни. Свободному народу они не нужны. Раз существуют тюрьмы — народ не свободен. Тюрьма является вечной угрозой труженику, покушением на его

совесть и волю, показателем его рабства. Так махновцы определяли свое отношение к тюрьмам. В соответствии с этим они разрушили тюрьмы во всех местах, где проходили. Тюрьма в Бердянске была взорвана при громадном стечении народа, который принял энергичное участие в ее разрушении. Тюрьмы в Александровске, Кривом Роге, Екатеринославе и ряде других мест были взорваны или сожжены махновцами. Рабочее население неизменно приветствовало эти акты.

Во-вторых, большевики скрывают от масс правду о том, что в течение всего времени пребывания махновцев в Екатеринославе город находился в особенном — осадном положении. Не было часа, когда бы над ним не рвались снаряды. Это помешало рабочим, а не махновской армии, приступить тогда же к организации жизни на началах самоуправления.

Что же касается той выдумки, будто махновцы заявляли приходившим к ним за средствами железнодорожникам, что им — махновцам — железные дороги не нужны, ибо у них есть кони и степи, то эта пустая выдумка была впервые пущена Деникинскими газетами в октябре 1919 г., а оттуда большевики целиком перенесли к себе, для собственного обихода.

Мы с величайшим удовлетворением можем отметить здесь, что махновцы полностью осуществили революционный принцип свободы слова, совести, печати, партийной и политической принадлежности. Во всех занятых махновцами городах и местечках все запрещения, наложенные какой бы то ни было властью на ту или иную печать, на ту или иную политическую организацию, отменялись. Печать объявлялась для всех свободной, организации и собрания тоже. За короткий полуторамесячный срок пребывания махновцев в Екатеринославе там родилось пять или шесть газет разных политических направлений: орган правых эсеров «Народовластие», орган левых эсеров «Знамя восстания», орган большевиков «Звезда» и другие. Между тем меньше всего могли рассчитывать на открытую организацию и свободную печать большевики. Во-первых, потому, что они умертвили свободу организаций и свободу печати для трудящихся; а во-вторых, потому, что их местные организации принимали прямое участие в преступном походе на Гуляй-Поле в июне 1919 г. и должны были понести за это ответственность. Однако, чтобы не бросить тень на великие принципы свободы слова и свободы организаций, их оставили в неприкосновенности, предоставив им, наряду со всеми прочими политическими течениями, все права, написанные на знамени пролетарской революции.

Единственное, в чем махновцы стеснили большевиков, левых эсеров и прочих государственников, — это в организации властнических революционных комитетов. В Александровске и Екатеринославе, после занятия этих городов махновцами, большевики немедленно создали ревкомы, стремясь через них установить свою власть над населением. В Александровске члены ревкома явились к Махно даже с предложением — разделить б городе сферы влияния; т.е. предложили ему оставить за собой военную область, а им предоставить полноту власти в политической и гражданской областях. Махно посоветовал им идти и заниматься честным трудом и пригрозил казнить весь ревком, если он проявит какие бы то ни было властнические меры в отношении трудящихся. Точно так же был распущен подобный ревком в Екатеринославе. В этом отношении махновцы были вполне

последовательны и выдержанны. Охраняя полную свободу слова, печати и свободу организаций, они в то же время принимали все меры против таких политических организаций, которые навязывали трудящимся свою волю и свою власть. И когда в ноябре 1919 г. в такой организации оказался замешанным командир третьего Крымского повстанческого (махновского) полка Полонский, последний был казнен вместе с прочими участниками этой организации.

Вот что писали махновцы по поводу свободы печати и организаций:

1. Всем без исключения социалистическим политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полная свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати недопустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционных повстанцев «Путь к Свободе».

2. Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей, революционным повстанчеством ни в коем случае допущены не будут.

Военно-революционный Совет Армии Повстанцев-Махновцев. Екатеринослав.

5-го ноября 1919 г.

За все время русской революции период махновщины является единственным, осуществившим полную свободу в различных ее проявлениях. Как ни было неустойчиво положение г. Александровска, а особенно Екатеринослава, ежедневно обстреливаемого деникинскими бронепоездами, все же в этот тяжелый период трудящиеся обоих городов, впервые в своей истории, говорили то, о чем хотели, и так, как хотели. Они, кроме того, держали в своих руках великую возможность — самим устраивать свою жизнь по своему разумению и по своей правде.

Через месяц махновцы оставили Екатеринослав. Но они успели ярко показать, что свобода находится среди самих трудящихся, что она начинает излучаться и развиваться тогда, когда в их среде поселяются безвластие и равенство.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 апреля 2025 11:44:42

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 апреля 2025 11:46:39